

УДК 811.161.1

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ПРОЦЕССОМ СТАНОВЛЕНИЯ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ФИЛОСОФИИ И БОГОСЛОВИЯ

Н.Г. Николаева

Аннотация

В статье анализируются факторы, необходимые для формирования научного терминологического аппарата, выявляются особенности древнеславянского «термина», раскрывается связь между терминообразованием и сущностными характеристиками текста.

Ключевые слова: термин, древнеславянская переводная письменность, история русского литературного языка, диахрония текста.

Становление термина – сложный процесс, с одной стороны уводящий к своим истокам в глубь веков, с другой стороны – относительно новый в русском языке, возможно даже новее, чем это может показаться на первый взгляд. Такое парадоксальное видение истории термина связано, во-первых, с тем, что, собственно, понимается под словом *термин*. Во-вторых, научная терминология складывается в истории русского языка, по общему признанию, в XVIII веке, времени формирования и специализации основных научных дисциплин, но вместе с тем сердцевина гуманитарного терминологического фонда представляет собой унаследованную славянской традицией лексику, история которой прослеживается с первых переводных памятников.

В отечественной лингвистической науке понимание термина разработано подробно и с разных позиций (А.А. Реформатским, В.П. Даниленко, Б.Н. Головиным, М.В. Косовой и др.). Из всех сущностных признаков термина и условий его бытования нам представляются наиболее важными следующие:

- 1) за термином стоит понятие;
- 2) для функционирования термина необходима среда – определенная сфера практического или теоретического знания;
- 3) термин осмысливается как таковой, если в языке существует выраженная оппозиция с нетермином.

Если проецировать данные современные представления о термине на древний период развития языка, то, по сути, ни одно из этих условий не удовлетворяет «терминологии» древнеславянских переводов.

Во-первых, за словом в этих переводах стоит образ или символ – понятие в единстве его объема и содержания еще не обрело своего равновесия, это произойдет значительно позже. В.В. Колесов назовет этот период развития содер-

жательной формы концепта идентификацией: «Идентификация есть соотнесение слова с вещью, полное отчуждение от символа как «другого мира вещей» с рациональным совмещением содержания и объема понятия, значения и предметного значения слова» [1, с. 406]. Только на этой стадии возможен термин в современном понимании.

Во-вторых, первые слова-термины функционируют не столько в абстрактной сфере определенного знания, сколько в конкретной традиции текста. Несмотря на то что сфера знаний (в нашем случае – философия и богословие) является фактором, способным стабилизировать терминотворчество, история бытования каждого конкретного памятника и индивидуальные особенности стиля переводчика нередко вносят свои поправки, так что становление терминосистемы в одной области знаний не является прямолинейным процессом.

В-третьих, между «терминами» и нетерминологической лексикой границы в то время нечетки и размыты, «термины» не воспринимаются таковыми в современном смысле этого слова. Все три фактора взаимообусловлены: познание оперирует не понятиями, а образами, что сближает форму познания с художественной, поэтому границы между сферами знания практически не существует, что находит отражение в языке конкретного памятника – языке, во многом обусловленном индивидуальной историей текста.

Но если отказаться от современных парадигм мышления и оценивать текст, созданный в X веке, с точки зрения существовавших в то время отношений между словом и мыслью, то, по справедливому мнению В.В. Колесова, в этот период «бытовое слово и есть философский термин», поскольку «идея вещи и есть ее имя» [1, с. 303]. Ученый призывает в соответствии с философскими идеями раннего Средневековья «реконструировать семиотические основы терминологизации, а не рассматривать отдельные термины как самостоятельные лексемы, что традиционно характерно для филологических работ» [2, с. 7].

Если мы примем во внимание эти особенности древнеславянской терминологии, то некоторые давние споры в исторической славистике потеряют свое основание и многие факты, входящие в кажущееся противоречие с той или иной теорией, получат свое объяснение. Подтвердим эту мысль примерами.

Еще австрийский славист А. Лескин недоумевал по поводу отсутствия в переводе «Богословия» у Иоанна Экзарха соотношения 1 : 1 между греческими терминами и славянскими эквивалентами, справедливо замечая, что это противоречит основным требованиям, предъявляемым к термину [3]. Критика воззрений Лескина в основном опиралась на два постулата:

- 1) экзарх не ставил перед собой задачу создать терминологическую систему – вынужденное терминотворчество было, скорее, средством, но не целью;
- 2) отсутствие регулярных соответствий вполне соотносится с теорией перевода, которой экзарх руководствовался (см., например, [4, с. 28]).

К этим бесспорным основаниям добавим: сам термин в современном его понимании (см. нашу триаду предпосылок терминообразования) в то время был невозможен – в отличие от сложившейся терминологической системы греческого языка византийского периода, где все эти условия уже тогда были соблюдены. Отсюда и упреки византийских книжников, владеющих славянским, в неадекватности переводов богословских произведений, поскольку «язык болгар»,

по их мнению, не знает, что такое οὐσία, φύσις, μονάς, ὑπόστασις, πρόσωπον и т. п., и сказать об этом правильно можно только словами языка «ромейского» (см. [5, S.109]).

Немецкий славист Э. Вайер, исследовавший разновременные переложения «Диалектики» Иоанна Дамаскина, одного из основополагающих для истории русской философии произведений, делает вывод о том, что, в отличие от ранних переводов, сербский перевод XIV века демонстрирует тенденцию к регулярности греко-славянских соответствий, что положительно влияет на складывание терминологической системы древнеславянского языка (см. [6]). Однако появившийся примерно в это же время первый славянский перевод другого знакового для духовной истории русского православия текста – корпуса сочинений Дионисия Ареопагита – далек от этого идеала, что позволяет предположить: регулярность соответствий диктуется в то время еще не столько требованиями языка, сколько традицией текста.

Термин рождается, когда ослабевают синтагменные связи текста, но вызревает он именно в тексте. Если даже тексты принадлежат к одному и тому же жанрово-стилистическому разряду и созданы в едином русле переводческой концепции (как переводы «Диалектики» Иоанна Дамаскина и Ареопагитик), но при этом имеют разную по продолжительности историю, «терминологическая» картина, в них представленная, будет иметь отличия. В нашем случае переводчик Ареопагитик, не имеющих традиции бытования на славянской почве, появившихся здесь впервые, использует приемы техники перевода, известные в том числе с самых первых опытов (например, дублетный перевод), и, наряду с употреблением устоявшихся греко-славянских эквивалентов, вынужден заниматься индивидуальным терминотворчеством, что, естественно, не способствует регулярности греко-славянских соответствий. Стремление к регулярности обнаружится в последующих переводах. В этом смысле история конкретного переводного текста повторяет общую историю переводных памятников.

Таким образом, если мы говорим о древнеславянской терминологии, мы должны принимать всю условность этого наименования и не проецировать современное состояние вещей на средневековую данность, упрекая переводчиков в нерадивости, невнимательности и т. д.

С XVI века, как показывают наблюдения над письменной традицией, начинают происходить качественные сдвиги в характеристиках слова и текста и в их взаимоотношениях, что отражается и на терминообразовании. К этим процессам можно отнести, во-первых, так называемый «взрыв продуктивности» определенных словообразовательных моделей, в первую очередь в области абстрактной лексики, в связи с завершением процесса распада семантической синкретсемии. Словообразовательные возможности, реализованные и потенциальные, обогащают фонд *nomina abstracta*, который является основным источником терминосистем. Во-вторых, как следствие названного явления в текстах усиливается глоссирование, отражающее поиск равновесия между словом и смыслом. В-третьих, расширяется круг переводных произведений, в том числе и за счет новых переложений уже существующих памятников, при этом иногда эти переложения осуществляются не с греческого оригинала, а с его латинского перевода. В этой области ведущую роль для того периода можно отвести,

пожалуй, кружку князя А. Курбского. Через переводы Курбского и его сподвижников церковнославянский метаязык философии и богословия вбирает в себя некоторые латинские элементы (прежде всего заимствования и кальки).

К концу XVII века складываются как внутриязыковые, так и экстралингвистические предпосылки рождения термина. С окончательным разрушением средневековой синтагматической связанности слова появляются объективные условия для развития слова в полноценно функционирующий в языке термин. Кроме того, потребность в устойчивой системе гуманитарной терминологии уже назрела, и представителями грекофильского течения были предприняты шаги – через переводные тексты – по ее выработке и стандартизации. В отличие от перечисленных тенденций, наблюдаемых в памятниках XVI века, в данный период количественное накопление новых возможностей сменяется стремлением к их упорядочению, типологизации и классификации. Об этом свидетельствует, во-первых, стремление к точному переводу греческих слов (происходит детальная дистрибуция эйдосов греческих слов по отдельным славянским лексемам), во-вторых, глоссирование, часто применительно к одним и тем же лексемам, с целью, по-видимому, последующего выбора одного термина. Однако эксперимент этот не был удачен для становления терминосистемы именно в силу неправильно выбранных средств: образование понятия, как доказывал А.А. Потехня, связано с потерей внутренней формы слова, исконного образа, стоящего за словом (см. [7, с. 167]), а грекофилы как раз пытались восстановить внутреннюю форму, что мешало в конечном итоге развитию термина.

Определяющим моментом для рождения многих гуманитарных терминов стал рубеж XVIII – XIX веков. XVIII век представляет несколько путей выхода из языкового эксперимента века XVII – и все они непосредственно связаны с судьбами церковнославянского и русского литературного языка, их взаимовлиянием, с языком духовной литературы в частности, в конечном итоге – со сложением стилистической системы литературного языка.

Один из путей состоит в ориентации на классические образцы средневековых текстов и ведет к сохранению правильного (иногда гиперкорректного) церковнославянского языка. Другой есть путь русификации духовного языка. Однако, как это часто реализуется на практике, чистых образцов того или другого направления фактически не встречается: или в церковнославянский текст вкрапливаются русские черты, или русифицированный перевод использует церковнославянизмы того или иного языкового уровня (чаще всего, разумеется, лексического и словообразовательного).

Эта неопределенность в выборе пути, каким должен быть язык духовной литературы, как ни парадоксально, создавала условия развитию термина тем, что делала возможными оппозиции, в рамках которых термин мог реализовать себя как таковой. Инвариант этой оппозиции: **общезыковой гипероним – специальный термин**. Наполнялась и разрешалась она по-разному. В итоге конкретных ее проявлений в переводных текстах возникает более частная оппозиция: **общеспециальное – индивидуальное**. Под общеспециальным мы подразумеваем более или менее общезыковой термин, свойственный языку определенной сферы (в нашем случае богословской или философской), а под

индивидуальным – слова, по своей сущности близкие к термину, но фигурирующие только в определенном памятнике, у определенного автора.

Кратко проиллюстрируем конкретными примерами изложенные выше положения. В греческой философии случайное обозначалось обычно двумя способами: τὸ συμβεβηκός (как случайное, несущественное свойство) и τὸ αὐτόματον (как само собой случившееся, стечение обстоятельств). В ранних переводах первое слово передавалось обычно как **сѣшествіе**, второе как **самобытіе**. Эти слова представляют собой структурную кальку и полукальку с греческого слова соответственно, тем не менее образ, за ними стоящий, вполне прозрачен и понятен нам до сих пор. То же можно сказать и об общем эквиваленте, которым служило слово **сѣлоучані**. Постепенно этот эквивалент начинает превосходить по употребительности первые два, в частности потому, что **сѣшествіе** – это еще и греческое κατάβασις, а **самобытіе** – αὐτὸ τὸ εἶναι более поздних переводов. Семантически обогатившись в синтагменных (горизонтальных) связях текста, слово **сѣлоучані** принимает на себя нагрузку, распределенную ранее по разным лексемам. Два исконных образа, стоящих за ними, сопрягаются в этом слове, и в их сопряжении возникает метафора, открывающая новые горизонты логического развития концепта и семантического развития слова. Новые переводы с латинского приносят не только – пока еще окказиональные – заимствования (**казусъ**, **фортуна** как глоссы), но и общую тенденцию к конкретизации, к дистрибуции эйдосов по разным лексемам: fortuna – это еще и **щастье**, а casus – **бѣда**. В переводах XVII века совершается попытка возвращения к древней традиции (**самобытіе** и **сѣлоучаніе**), но этот буквализм преодолевается в следующем веке. В результате основным термином становится производное исконно славянского происхождения – *случайность*, *случайное* (*случай* vs *случайность* – это реализация оппозиции **общеязыковой гипероним vs специальный термин**), а заимствования формируют второй (более поздний, сформировавшийся на продвинутом этапе развития науки) терминологический слой – *казус* (в основном в юриспруденции), *акциденция* и т. д. (при этом часто индивидуальное становится общеспециальным).

Общеязыковой гипероним в некоторых случаях может становиться основным термином, а индивидуальное употребление – частноспециальным. Так произошло, например, со словом **образъ**, которое изначально соответствовало целому ряду греческих терминов (σύμβολον, εἰκὼν εἶδος, μορφή, σχῆμα, τρόπος, τύπος и т. д.), наряду с вариантами **знаменіе**, **видъ**, **зракъ** и некоторыми другими. Начиная с XVI века фиксируется слово **форма** (как соответствие μορφή, forma). Грекофилами была предпринята попытка закрепить за каждым греческим словом одно славянское соответствие – так многократным употреблением закрепляются в словаре единицы **сѣмволъ**, **ікѡна**, **тѣпъ**, **сѣма** и т. п. Эти слова затем становятся частными терминами богословия и философии, в то время как **образ** остается наиболее общим термином, конкурируя в этом плане лишь с **формой**.

Это лишь две схематичные иллюстрации длительного, непрямолинейного, многопланового процесса, которые, однако, позволяют сделать предварительные выводы.

Как мы наблюдали, термином может стать заимствование, но может и исконно славянское «бытовое» слово, установившее терминологическое значение на базе метонимического или метафорического переноса. Второй термин привычнее сознанию носителя языка, поскольку за ним – смыслы, культивированные на протяжении многих веков и впитанные нашим менталитетом. Как правило, такие термины образуют основной фонд гуманитарной терминологии, а заимствования чаще формируют вторичный ее запас, связанный с расширением и углублением, в конечном итоге – с усложнением научного знания.

Однако нужно помнить, что сложившаяся терминосистема не есть закрытая или неподвижная система. «Наука, – писал А.А. Потебня, – <...> относится к действительности, но уже после того, как эта последняя прошла через форму слова; наука невозможна без понятия, которое предполагает представление; она сравнивает действительность с понятием и старается уравнивать одно с другим, но так как количество признаков в каждом кругу восприятий неисчерпаемо, то и понятие никогда не может стать замкнутым целым» [7, с. 194]. А стало быть, и терминосистема, несмотря на априорное требование стабильности (в целях адекватного обслуживания научной сферы), находится в постоянном развитии, не только количественном, но и качественном.

Работа выполнена в рамках Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 годы)» Федерального агентства по образованию РФ (проект № 2.2.1.1/6944).

Summary

N.G. Nikolaeva. Some Observations on the Process of Formation of Terminological System of Philosophy and Theology.

The article regards the factors necessary for the formation of a scientific terms framework. Features of an Old Slavic “term” are revealed, and the correspondence between term formation and intrinsic characteristics of the text is displayed.

Key words: term, Old Slavic translation scripts, history of Russian literary language, text diachrony.

Литература

1. Колесов В.В. Философия русского слова. – СПб.: ЮНА, 2002. – 448 с.
2. Колесов В.В. Роль традиционного восприятия слова и символики в сознании литературного языка переводов // Философские и богословские идеи в памятниках древнерусской мысли. – М.: Наука, 2000. – С. 7–21.
3. Leskien A. Die Übersetzungskunst des Exarchen Johannes // Archiv für slavische Philologie. – 1903. – Bd. 25. – S. 48–66.
4. Иванова-Мирчева Д. Йоан Екзарх Български. Слова. – София: Изд-во на българската Академия на науките, 1971. – 202 с.
5. Podskalsky G. Zur Rezeption griechischer philosophisch-theologischer Zentralbegriffe bei Johannes Exarchos // Anzeiger für slavische Philologie. – 1974. – Bd. 7. – S. 109–112.

6. *Weiher E.* Zur sprachlichen Rezeption der griechischen philosophischen Terminologie im Kirchenslavischen // *Anzeiger für slavische Philologie*. – 1972. – Bd. 6. – S. 154–157.
7. *Потебня А.А.* Мысль и язык // *Потебня А.А. Эстетика и поэтика*. – М.: Искусство, 1976. – С. 35–220.

Поступила в редакцию
14.10.09

Николаева Наталия Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии Казанского государственного университета.
E-mail: natalia.nikolaeva@ksu.ru